

Ю. В. Болтач

Институт восточных рукописей РАН

DOI 10.34887/PV.2023.33.79.008

**ИСТОРИЯ ДОМАНЬЧЖУРСКОГО КИТАЯ
ГЛАЗАМИ КОРЕЙСКИХ НЕОКОНФУЦИАНЦЕВ
(НА МАТЕРИАЛЕ «НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ
ЮНЫХ ОТРОКОВ»)**

В корейской коллекции Института восточных рукописей РАН (шифр С 64) хранится ксилограф под названием «Тонмон сонсып» (童蒙先習 «Начальное обучение юных отроков»), отпечатанный в год под циклическими знаками *кечхук* (癸丑 1793 или 1853 г.). Памятник поступил в собрание ИВР РАН в составе коллекции акад. М.-Ф. Броссе (1802—1880). На русском языке имеется выполненное А. Ф. Троцевич и А. А. Гурьевой описание данного ксилографа, включающее в себя обзор основных технических параметров публикации (автор, язык, тематика, способ и дата издания, размеры, пагинация, бумага), а также общую характеристику текста и перечисление аналогичных изданий в других собраниях¹. Насколько нам известно, углубленного содержательного исследования этого произведения, не говоря уже о его переводе, на русском языке вплоть до настоящего времени не имелось.

«Начальное обучение юных отроков» представляет собой широко популярное в традиционной Корее учебное пособие, изучавшееся в школах непосредственно после «Цянь цзы вэнь» (千字文 «Тысячесловие»)². Автором этого произведения, содержащего наставление по нормам отношений в обществе и краткий очерк истории Китая и Кореи, возможно, был ученый-конфуцианец эпохи Чосон (朝鮮 1392—1910) по имени Ким Ангук (金安國, 1478—1543)³. Текст написан на литературном китайском языке (漢文 кор.

---

¹ Троцевич А. Ф., Гурьева А. А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. II: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб., 2009. С. 231—232.

² Интересно отметить, что этот текст публикуется с учебными целями и поныне (в том числе в Интернете), хотя в современную школьную программу он, естественно, не входит. См., например, онлайн-публикацию текста этого памятника с корейским переводом: Тонмон сонсып (童蒙先習 Начальное обучение юных отроков) // Ханмун токхэ чхопкён (한문독해捷徑 Быстрый путь к чтению и пониманию ханмуна) / Общество исследования традиционной культуры 전통문화연구회; отдел методики преподавания классической литературы Института информатизации дальневосточной классической литературы 동양고전정보화연구소 고전교육연구실 [Электронный ресурс]. URL: https://hm.cyberseodang.or.kr/verbalTrans/classic_list2.asp?bookNo=7, дата обращения: 18.04.2023.

³ Троцевич А. Ф., Гурьева А. А. Указ. соч. С. 231.

ханмун), который на протяжении почти двух тысячелетий являлся официальным письменным языком Кореи, и дополнительно размечен корейскими служебными словами и аффиксами, записанными с помощью иероглифики по способу *кугёль* □訣.

Объем пособия составляет один свиток (卷 кит. *цзюань*, кор. *квон*). Его основной текст с учетом заголовков, но без колофона, насчитывает 2606 иероглифов, и еще 1121 иероглиф (мелким шрифтом) использован для записи корейских служебных слов и аффиксов.

В начале пособия помещено краткое введение, которое содержит рассуждение об уникальном месте человека в мире (4% общего объема текста, 97 иероглифов).

Затем следуют пять небольших параграфов, посвященных пяти базовым видам человеческих отношений: между отцом и сыном, между правителем и подданным, между мужем и женой, между старшим и младшим и между товарищами и друзьями. Эти пять параграфов однотипны по структуре: в заголовке (без ссылки на источник) приводится цитата из соответствующего пассажа трактата «Мэн-цзы»¹, после чего дается ее объяснение с примером из китайской истории и подходящим к случаю высказыванием какого-либо китайского конфуцианского классика. Параграфы имеют приблизительно одинаковый объем и в общей сложности занимают почти треть памятника (32% общего объема текста, 842 иероглифа).

Заключительную часть пособия образует общее рассуждение, в первой половине которого подробно разъясняется, что сыновняя почтительность (孝 кит. *сяо*, кор. *хё*) составляет фундамент всех прочих добродетелей и что развитие ее в себе является конечной целью любой учебы — особенно изучения истории, которая рассматривается в данном пособии как важнейший источник основополагающих нравственных примеров (14% общего объема текста, 368 иероглифов). Соответственно, вторую половину рассуждения составляют два исторических экскурса: очерк истории Китая от первоначального разделения Великого предела до расцвета империи Мин (31% общего объема текста, 797 иероглифов) и очерк истории Кореи с древнейших времен до утверждения государства Чосон (19% общего объема текста, 502 иероглифа).

С академической точки зрения, это сочинение можно рассматривать как важный источник информации по идеологии государства Чосон. В частности, особый интерес представляет исторический раздел этого пособия, содержащий краткое изложение важнейших (с точки зрения автора этого памятника) событий китайской и корейской истории. Содержательный анализ этого раздела позволяет получить представление о том, какие именно исторические факты воспринимались конфуцианцами начала эпохи Чосон в качестве ключевых (то есть подлежащих включению в базовый учебник для детей), а также о том, какая оценка давалась ими этим фактам.

В настоящей статье мы предлагаем вниманию читателя комментированный русский перевод первой части исторического раздела этого учебно-

---

¹ Мэн-цзы III (1), 8. Рус. пер. см.: Попов П. С. Китайский философ Мэн-цзы: перевод с китайского, снабженный примечаниями. М., 1998. С. 92.

го пособия, а именно — очерка истории Китая с древнейших времен до середины XVI в.

Переводу, однако, следует предпослать небольшое введение, проливающее свет на некоторые особенности интересующего нас текста, и для начала пояснить ситуацию в Корее в эпоху создания этого памятника. Исторически на протяжении почти тысячи лет, с середины эпохи Трех государств и до конца эпохи Корё, в стране сосуществовали и пользовались государственной поддержкой одновременно три учения: конфуцианство определяло практические аспекты государственного управления и общественного устройства, буддизм почитался в качестве чудесного защитника страны от бедствий, местные же верования способствовали гармоничному функционированию социума. Однако после падения Корё и основания государства Чосон правители новой династии попытались установить в стране идеологическую монополию неоконфуцианства. Несмотря на все их усилия, господство этого учения в Корее все же не стало абсолютным: активными последователями неоконфуцианства были по преимуществу мужчины правящего сословия (потомственного чиновничества *янбан* 兩班), в то время как простолюдины, а также значительная часть женщин из чиновничьих семейств по-прежнему сохраняли приверженность буддийским и шаманистским обычаям, хотя и были принуждены внешне подчиняться требованиям неоконфуцианского декорама.

В этой ситуации представители чиновничества ясно осознавали необходимость возможно более ранней индоктринации подрастающего поколения «правильными» неоконфуцианскими идеями. Именно с этой целью, надо полагать, и было создано интересующее нас учебное пособие, первый раздел которого занимает изложение основополагающих постулатов учения Конфуция и его последователей. Что же касается второго, исторического раздела, то он (в полном соответствии с конфуцианской традицией) был призван служить источником дидактического материала, облегчающего учащимся понимание и усвоение этических норм, о чем прямо говорится в тексте памятника.

Основную часть исторического раздела этого учебного пособия занимает очерк истории Китая — около трети общего объема текста, в полтора с лишним раза больше последующего очерка истории Кореи. Подобное внимание корейского автора к китайской истории обусловлено общим китацентризмом его позиции, вполне естественной для истого неоконфуцианца, воспринимающего Китай как место зарождения «образцовой» конфуцианской этики, а также преисполненного глубочайшего пиетета к каноническим трудам по истории Китая, освященным авторитетом самого Конфуция и его учеников.

Особая значимость истории Китая подчеркивается в этом учебном пособии не только количественно — объемом соответствующего очерка, но и качественно — манерой подачи материала. Автор текста, глубоко убежденный в том, что история Китая находится в центре не только земного исторического процесса, но и судеб мироздания в целом, начинает ее изложение непосредственно с момента возникновения мира и возводит линию преемственности правителей Китая к мифическим культурным героям, обла-

годетельствовавшим человечество на заре его истории. В их числе названы правители глубокой древности: Тянь-хуан 天皇, Ди-хуан 地皇, Жэнь-хуан 人皇, Ю-чао 有巢, Суй-жэнь 燧人; «трое августейших»: Фу-си 伏羲 — создатель триграмм и письменных знаков, Шэнь-нун 神農 — изобретатель земледелия и медицины, Хуан-ди 黃帝 — основатель военного дела, техники, календаря и музыки); «пять императоров»: Шао-хао 少昊, Чжуань-сюй 顓頊, Ку 嚳, Яо 堯, Шунь 舜, а также «три государя» — легендарные первооснователи древнекитайских государств Ся (государь Юй 禹, 2183—2177 до н. э.), Шан (государь Тан 湯, 1751—1739 до н. э.) и Чжоу (государь Вэнь-ван 文王, 1152—1056 до н. э., и У-ван 武王, ?—1043 до н. э.).

Что касается дальнейшей истории Китая, то обращает на себя тот факт, что из бесчисленного множества легендарных и реальных деятелей китайской истории корейский автор называет поименно лишь:

- наиболее выдающихся государей;
- конфуцианских ученых, начиная с самого Конфуция;
- знаменитых преданных подданных.

Относительно первой группы персонажей (государей) ситуация очевидна, ибо без упоминания этих ключевых деятелей действительно невозможно обойтись ни в одном, даже самом кратком очерке истории любого государства. В интересующем нас тексте фигурирует всего пять таких имен, и все они принадлежат правителям, основавшим величайшие государства в истории Китая: Цинь (император Цинь Ши-хуан 秦始皇, на троне 241—209 до н. э.), Хань (император Гао-цзу 高祖, на троне 206—195 до н. э.), Тан (император Гао-цзу 高祖, на троне 618—626, и его преемник Тай-цзун 太宗, на троне 627—649) и Сун (император Тай-цзу 太祖, на троне 960—976). Кроме того, имя одного императора (ханьского Мин-ди 明帝, на троне 58—75) использовано в тексте для датировки момента признания буддизма в Китае (подробнее об этом событии см. ниже).

Присутствие в тексте двух других групп персонажей нуждается, однако, в объяснении: необходимо разобраться, почему для упоминания наравне с известнейшими легендарными и реальными правителями Китая избраны именно они, а не какие-либо иные выдающиеся подданные Среднего государства.

Что касается Конфуция и его последователей, то появление их имен на страницах интересующего нас памятника легко объясняется значимостью этих фигур для корейских неоконфуцианцев, считавших исповедуемое ими учение квинтэссенцией человеческой премудрости, а его осуществление на практике — залогом благополучия не только социума, но и мироздания в целом. Соответственно, автор памятника говорит о Конфуции как о ниспосланном Небом совершенномудром и поименно перечисляет его учеников и ближайших последователей, известных под общим именем «четырех мудрецов» (四配 кит. *сы пэй*, кор. *са пэ*): Янь-цзы (顏子, Янь Хуэй 顏回, 521—481 до н. э.), Цзэн-цзы (曾子, Цзэн Шэнь 曾參, 505—435 до н. э.), Цзы-сы (子思, Кун Цзи 孔伋, 483—402 до н. э.) и Мэн Кэ (孟軻, Мэн-цзы 孟子, 372?—289 до н. э.), отмечая их вклад в формирование и развитие конфуцианской доктрины. Кроме того, в тексте упоминаются создатели неоконфуцианства, именуемые в истории «шестью учителями [эпохи] Северная Сун»

(北宋六先生 кит. *бэй Сун лю сяньшэн*, кор. пук *Сон юк сонсэн*): Чжоу Дунь-и (周敦頤, 1017—1073), Чэн Хао (程顥, 1032—1085), Чэн И (程頤, 1033—1107), Сыма Гуан (司馬光, 1019—1086), Чжан Цзай (張載, 1020—1077) и Шао Юн (邵雍, 1011—1077), а также систематизатор неоконфуцианского учения Чжу Си (朱熹, 1130—1200). Характерно, что между этими двумя группами имен в тексте вообще нет упоминаний конфуцианских ученых, то есть корейский автор, как истый неоконфуцианец, практически игнорирует мощнейшую комментаторскую традицию, существовавшую в Китае с эпохи Хань (206 до н. э.—220 н. э.) до эпохи Сун (960—1279), и воспринимает Чжу Си и его сподвижников как прямых продолжателей дела Конфуция.

Деятельность упомянутых ученых рассматривается в интересующем нас тексте наравне с основанием и падением государств и другими ключевыми историческими фактами. Заметим, что эта деятельность сводится почти исключительно к созданию и редакции канонических текстов: «Ши цзин» (詩經 «Книга стихов»), «Шу цзин» (書經 «Книга документов»), «Ли цзи» (禮記 «Книга ритуалов»), «Юэ цзин» (樂經 «Книга музыки»), «Чжоу и» (周易 «Чжоуский [канон] перемен»), «Чунь цю» (春秋 «Вёсны [и] осени») — Конфуций; «Чжун юн» (中庸 «Следование середине») — Цзы-сы; «Мэн-цзы» (孟子 «Учитель Мэн») — Мэн Кэ; а также к фиксации высказываний Конфуция («Да сюэ 大學, «Великое учение» — последователи Цзэн-цзы; «Лунь юй» 論語, «Суждения [и] беседы»). Что до непосредственного участия Конфуция и его последователей в государственном управлении, то корейский автор ограничивается ламентациями по поводу того, что конфуцианский Путь не получил применения при жизни Конфуция, Мэн Кэ был в пренебрежении в эпоху Сражающихся царств, а основатели неоконфуцианства так и не были приглашены к сунскому двору.

Заметим также, что все остальные существовавшие в Китае учения (например, даосизм) корейский автор просто игнорирует, а если ему не удастся заретушировать соответствующие исторические факты из-за их масштабности, он пускает в ход голословные оценочные характеристики сугубо негативного свойства — так, он именует популярные в эпоху Сражающихся царств натурфилософские учения суверенными заблуждениями, а о буддистах говорит, что они обманывали мир и вводили в заблуждение народ.

Относительно третьей группы персонажей этого текста, то есть преданных подданных, можно предположить, что включение их в повествование обусловлено предназначением интересующего нас произведения, которое, как мы помним, представляло собой учебное пособие для подрастающего поколения корейского чиновничества; иными словами, эти исторические фигуры были призваны служить ролевыми моделями для будущих государственных слуг. В тексте особо подчеркиваются два аспекта деятельности этих персонажей:

— для тех, кто жил в эпоху абсолютного (или хотя бы относительного) порядка; их важная, если не ключевая роль в обеспечении этого порядка: Гао Яо 皋陶, Куй Фань 夔, Хоу Ци 后稷 и Се Цзе 契 — подданные государей Яо 堯 и Шуня 舜; И Инь (伊尹, 1715?—1649? до н. э.) и Фу Юэ (傅說, 1335?—1246? до н. э.) — подданные государства Шан (商 1600—1046 до н. э.); князя Чжоу-гун 周公 и Шао-гун 召公 — подданные государства Чжоу (周

1046—256 до н. э.); князя Хуань-гун (桓公, 685—643 до н. э.), Вэнь-гун (文公, 636—628 до н. э.), Сян-гун (襄公, 650—637 до н. э.), Му-гун (穆公, 659—621 до н. э.) и государь Чжуан-ван (莊王, 613—591 до н. э.) — вассалы того же государства;

— для тех, кто жил в эпоху смуты; их жертвенность, доходящая до пренебрежения собственной жизнью: Чжугэ Лян (諸葛亮, 181—234) — подданный государства Шу-Хань (蜀漢 221—263); Вэнь Тянь-сян (文天祥, 1236—1283) — подданный государства Сун.

Закончив на этом поименное рассмотрение персонажей нашего памятника, обратимся к не менее интересной проблеме, а именно — освещению в нем истории целостных государств. Учитывая то, что на протяжении многотысячелетней истории Китая на его территории и вокруг нее возникло, существовало и погибло множество различных государственных образований, автору интересующего нас учебного пособия нужно было отобрать среди них главные — такие, которые, с его точки зрения, играли ключевую роль в историческом процессе. Насколько можно судить, основных критериев отбора в этом случае было два: 1) национальная принадлежность правящего дома; 2) местоположение государства и занимаемая им территория.

В частности, корейский автор практически полностью игнорирует не только историю стран, существовавших за пределами Китая, но и населенные этническими китайцами государственные образования на его территории, если власть в них принадлежала «варварским» династиям. Например, говоря об эпохе Северных и Южных царств (420—581), он перечисляет только царства Южные, а применительно к Северному Китаю он сообщает лишь, что на этой территории варвары учинили смуту; повествуя же об эпохе Сун, он выносит за рамки китайской истории империю Цзинь, в состав которой входила вся северная часть страны. Если же масштаб влияния «варваров» на историю Китая не позволяет замалчивать соответствующие исторические факты, корейский автор использует резко негативные оценочные характеристики: к примеру, говорит о сопредельных Китаю «варварских» народах и государствах только как о виновниках гибели государства Сун и утверждает, что некий китайский по происхождению правящий дом Юань (1206—1268) пал из-за того, что само Небо возненавидело его порочное могущество. Продолжительность же правления династий практически не влияла на включение или невключение соответствующих названий в текст интересующего нас пособия — так, в тексте пунктуально перечислены все пять эфемерных китайских государств, существовавших в Китае между эпохами Тан и Сун.

Помимо национальной принадлежности правящего дома, важным критерием оценки государств в интересующем нас тексте являлось отношение их правителей к конфуцианству. Хотя покровительство другим учениям не служило основанием для исключения соответствующего государства из общего повествования, корейский автор не упускает случая, как минимум, вставить по этому поводу в текст резко негативную ремарку, а как максимум — намекнуть, что причиной гибели этого государства было именно пренебрежение, оказывавшееся в нем последователям Конфуция.

Так, сообщение об упадке государства Чжоу содержит прозрачный намек на то, что падение этого государства было связано с тем, что в ту эпоху в мире процветали учения о суеверных заблуждениях, об искусстве заключения дипломатических союзов, о пользе и выгоде, а конфуцианство не пользовалось успехом. Еще недвусмысленнее эта точка зрения выражена в повествовании об эпохе Цинь, где сразу после сообщения о том, что в этом государстве сжигали конфуцианские книги и заживо закапывали в землю конфуцианских ученых, указывается, что это государство просуществовало всего два поколения. Ощутимо негативное отношение испытывает корейский автор и к государству Суй (581—618), судя по тому, что упоминает применительно к нему о некоей смуте (возможно, дело в том, что правящий дом Суй активно покровительствовал легизму и буддизму, о чем в тексте, впрочем, не упоминается). Относительно пришедшего ему на смену дома Тан корейский автор оказывается в еще более сложной ситуации: с одной стороны, он прекрасно осознает, что речь идет об эпохе величайшего расцвета Китая, а с другой стороны — не может не знать, что танские императоры (возводившие свой род к Лао-цзы) покровительствовали не только конфуцианству, но и другим учениям — как «отечественному» даосизму, так и «иноземному» буддизму. В результате автор уходит от проблемы, связывая могущество империи Тан с тем, что ее правители способствовали утверждению порядка в семейных отношениях. Что же касается золотого века неоконфуцианства — эпохи Сун, когда жили и творили Чжу Си и его единомышленники, то корейский автор подчеркивает, что эти величайшие (с его точки зрения) деятели так и не дождались приглашения ко двору, и довольно недвусмысленно ассоциирует это с ослаблением государства Сун и его последующим падением в результате вторжений соседних «варваров». Последующая эпоха Юань получает, как уже упоминалось выше, резко негативную характеристику исключительно из-за происхождения правящей династии. Наконец воцарение дома Мин описывается в превосходных тонах как проявление милости Неба. В заключение корейский автор прямо объясняет благополучие государств тем, насколько в них почитается и осуществляется конфуцианское учение, и указывает, что в эпохи Ся, Инь и Чжоу совершенномудрые императоры и просвещенные государи, мудрые министры и добрые советники следовали ему, поэтому в делах правления преобладал порядок, а в последующие времена посредственные правители и невежественные властители, мятежные подданные и непокорные сыновья отвергали его, поэтому в делах правления преобладал хаос.

Подводя итог краткому содержательному анализу интересующего нас текста, отметим, что выявленные нами принципы отбора и интерпретации материала четко отражают идеологическую позицию автора этого произведения — ортодоксального корейского неоконфуцианца начала эпохи Чосон, и как нельзя лучше служат цели создания этого учебного пособия, а именно — внушению учащимся представления о том, что доктрина Конфуция в интерпретации Чжу Си является единственно правильным взглядом на мир, что ее осуществление на практике составляет залог правильного функционирования социума, а также о том, что «образцовая» история Китая занимает центральное место в мировом историческом процессе.

ПЕРЕВОД ¹

/Л. 86/ Если [человек] может [быть] почтительным к своим родителям, то [он] распространяет это на [отношения] правителя [и] подданного, мужа [и] жены, старшего [и] младшего, товарища [и] друга. Как [же он] отклонится [от истины] и [впадет в] неправоту? [Коль] так, то [сыновняя] почтительность — сколь [она] важна для людей! И [при] этом /л. 9а/ [она] не является [недостижимо] высоким [и] далеким, трудным [в] осуществлении делом. Но если [кто-либо от] рождения не знает [сыновней почтительности], [ему] непременно [следует стремиться] обрести ученые познания и [таким способом] проникнуться ею. [В] Пути ученых познаний нет [никакой] иной [цели]. [Желающий развить в себе сыновнюю почтительность] будет стремиться разобраться [в событиях] прошлого [и] настоящего, понять [в них] частное [и] общее, держать это в мыслях [и] воплощать это в делах. [Так] можно [ли] не напрягать [все] свои силы, [устремленные к обретению] ученых познаний? По этой [причине я] выбрал основополагающие примеры [для] этого [в] анналах истории [и] изложил их ниже.

Ведь с [тех пор], [как] Великий предел первоначально разделился, [а] тьма [и] свет впервые разграничились, пять стихий /л. 9б/ [начали] порождать друг друга. Первоначально явились духовное [и] материальное, [и] человеческий род [стал] множиться [в] великом изобилии.

Тогда [в мир] впервые явились совершенномудрые люди, [которые] следовали [велениям] Неба [и] утверждали высшую [истину]. [Что до времени], [когда жили] почтенный Тяньхуан-*ши* 天皇氏, почтенный Дихуан-*ши* 地皇氏, почтенный Жэньхуан-*ши* 人皇氏, почтенный Ючао-*ши* 有巢氏 [и] почтенный Суйжэнь-*ши* 燧人氏, [то] его называют глубокой древностью. [Поскольку эти совершенномудрые] жили еще до [изобретения] письменных знаков, невозможно уяснить [сроки их правления].

Почтенный Фуси-*ши* 伏羲氏 впервые начертил восемь триграмм [и] создал письменные знаки, чтобы заменить [ими использование] узлов [на] верёвках [при записи дел] правления. Почтенный Шэньнун-*ши* 神農氏 изобрёл плуг [и] соху [и] упорядочил [использование]

¹ Даты существования государств и правления государей приводятся в соответствии с китайской историографической традицией. Мы опирались на следующее справочное пособие: Чжунго няньли цзунпу (中國年曆總譜 Полный свод календарных таблиц [по истории] Китая) = Chronological Tables of Chinese History. В 2 т. / Сост. Дун Цзо-бинь 董作賓. Гонконг, 1960. Т. 1. С. [10], xvi, 72, 357, [2]. Т. 2. С. [4], 412, [1].

лекарственных снадобий. Почтенный Хуанди-ши 黃帝氏 /л. 10а/ [ввел] использование щитов [и] клевцов, изобрел лодки [и] повозки, создал [правила] календарных расчетов [и] упорядочил музыкальный строй. Этих [правителей] называют тремя августейшими. [В ту] эпоху наивысшей добродетели [государи придерживались принципа] недеяния, и [в мире был] порядок.

[Что до] Шао-хао, Чжуань-сюя, императора Ку, императора Яо [и] императора Шуня, [то] их называют пятью императорами. Гао [Яо], Куй, [Хоу] Цзи [и] Се ¹ [были] помощниками Яо [и] Шуня, и управление Яо [и] Шуня далеко превосходило [управление] всех [других] государей. [Поэтому], [когда] Конфуций 孔子 редактировал «[Книгу] документов» ², [он] определил [начать повествование] с [описания правления] Тан [Яо] 唐 [и] Юй [Шуня] 虞.

[Что до основателя] Ся 夏 [по имени] Юй, [основателя] Шан [по имени] Тан [и первых правителей] Чжоу государей Вэнь-вана [и] У-вана, [то] их называют тремя государями. [Их правление] длилось, /л. 10б/ [как гласят] некоторые [источники] — четыреста, [как гласят] некоторые [источники] — шестьсот, [а как гласят] некоторые [источники] — восемьсот лет. Процветание, [царившие на земле в эти] три эпохи, [в] последующие времена [более никогда] не [было] достигнуто.

[А] еще — [жившие в эпоху] Шан [преданные подданные] И Инь [и] Фу Юэ, [равно как и жившие в эпоху] Чжоу 周 [преданные подданные] князя Чжоу-гун [и] Шао-гун все были мудрыми подданными ³. Князь Чжоу-гун упорядочил [правила] ритуала [и] уста-

¹ Согласно Сыма Цяню, эти четыре человека — Гао Яо 皋陶, Куй, Хоу Цзи и Се — были приняты на службу еще при Яо, но их обязанности не были разделены. После своего воцарения Шунь назначил Гао Яо старшим судьей, Куя — ведающим музыкой, а Се — блюстителем нравов (*Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»)*. Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; под общ. ред. Р. В. Вяткина; вступ. ст. М. В. Крюкова. М., 1972. С. 144—147).

² Литература о жизни и деятельности Конфуция (孔子, Кун Цю 孔丘, ок. 551—479 до н. э.) поистине безбрежна, и мы ограничимся здесь только отсылкой к повествованию о наследственном доме Конфуция, помещенному у Сыма Цяня (*Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи)*. Т. VI / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина; предисл. Р. В. Вяткина. М., 1992. С. 126—151). «Книга документов» (書經 «Шу цзин») — текст в составе конфуцианского «Пятикнижия», содержащий материалы по древней истории Китая. Полный русский перевод этого памятника см.: Чтимая книга: древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / Подгот. Древнекит. текстов и илл., пер., примеч. и предисл. В. М. Майорова; послесл. В. М. Майорова и Л. В. Стеженской. М., 2014. 1149 с.

³ И Инь — могущественный сподвижник Тана, основателя государства Шан, содействовавший его возведению на престол и впоследствии игравший важную

новил [законы] музыки, [благодаря чему] система управления [и] свод законов [стали] четкими [и] ясными, предельно совершенными.

Когда [же] это [государство Чжоу пришло в] упадок, пять гегемонов собрали [вокруг себя] удельных князей, чтобы помочь правящему дому. Тогда [правитель царства] Ци 齊 князь Хуань-гун, [правитель царства] Цзинь князь Вэнь-гун, [правитель царства] Сун князь Сян-гун, [правитель царства] Цинь князь Му-гун [и правитель царства] Чу государь Чжуан-ван последовательно возглавляли союзы [князей] Ся, [и] государев /л. 11а/ авторитет не колебался¹.

роль при дворе его преемников. Повествование о нем помещено у Сыма Цяня (*Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. I. С. 167—170). Заметим, что в «Чжу шу цзи нянь» (竹書紀年 «Бамбуковые анналы») приводится иная версия биографии И Иня, где он предстает едва ли не мятежником и узурпатором (Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / Изд. текста, пер. с кит., вступит. ст., коммент. и прилож. М. Ю. Ульянова при участии Д. В. Деопика и А. И. Таркиной. М., 2005. С. 108—109), но маловероятно, впрочем, чтобы корейскому автору был известен этот памятник, полный текст которого к середине XII в. в Китае был утрачен. Фу Юэ — мудрый министр шанского государя Во Дина 沃丁. Повествование о нем помещено у Сыма Цяня (*Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. I. С. 173). Чжоу-гун — младший брат государя У-вана, основателя государства Чжоу. Чжоу-гун содействовал брату в обретении престола, а после смерти У-вана стал регентом при малолетнем племяннике и надежно упрочил его власть. Удельным владением Чжоу-гуна было княжество Лу 魯, где впоследствии родился Конфуций. Повествование о Чжоу-гуне и его преемниках помещено у Сыма Цяня (*Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. V / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина; вступ. ст. Р. В. Вяткина. М., 1987. С. 64—83). Шао-гун — родственник и преданный подданный государя У-вана, прославившийся своей справедливостью. Удельным владением Шао-гуна было княжество Янь 燕. Повествование о деяниях Шао-гуна и его преемников помещено у Сыма Цяня (*Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. V. С. 84—92).

¹ Хуань-гун — первый из удельных правителей эпохи Чжоу, удостоившийся титула «гегемон» (霸 кит. ба, кор. пхэ). Несмотря на свое могущество, Хуань-гун хранил верность дому Чжоу и не пытался захватить более слабые княжества. Повествование о нём помещено у Сыма Цяня (*Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. V. С. 44—51). Вэнь-гун — правитель удела Цзинь 晉, до своего восшествия на престол девятнадцать лет скитавшийся на чужбине. Отмечая его мудрость, Сыма Цянь все же критикует его за то, что он, обретя престол, забыл наградить преданного подданного Цзецзы Туя (介子推, ?—636 до н. э.) (*Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. V. С. 153—166, 181). Сян-гун — правитель удела Сун 宋, отличавшийся знанием правил поведения и уступчивостью, но не военными талантами. Повествование о нем помещено у Сыма Цяня (*Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. V. С. 133—134). Му-гун — правитель удела Цинь 秦, значительно расширивший его территорию в годы своего царствования. Повествование о нем помещено у Сыма Цяня (*Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. II / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; под общ. ред. Р. В. Вяткина. М., 1975. С. 22—33). Чжуан-ван — государь царства Чу 楚, в начале своего правления интересовавшийся исключительно чувственными наслаждениями, но затем под влиянием мудрых советников обратившийся к делам правления и ставший могуществен-

Конфуций, будучи ниспосланным Небом совершенномудрым, полностью объехал Поднебесную 天下, [но разъясненный им] Путь не обрел [практического] применения в мире, [и тогда Конфуций] сократил «[Книгу] стихов» [и] «[Книгу] документов», отредактировал «[Книгу] ритуалов» [и] «[Книгу] музыки», истолковал «Чжоуский [канон] перемен» [и] выправил «Вёсны и осени»¹. [Он] преемствовал совершенномудрым прошлого [и] просветил ученых будущего. А что до тех, кто передал [следующим поколениям] этот Путь [Конфуция], то [это были его ученики] Янь-цзы [и] Цзэн-цзы². Деяния [Конфуция] отражены [в] «Суждениях [и] беседах», [а] последователи Цзэн-цзы изложили [их в] «Великом учении»³.

ным правителем. Повествование о нем помещено у Сыма Цяня (*Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. V. С. 187—190). Ся 夏 — в данном случае одно из названий Китая.

- ¹ «Книга стихов» (詩經 «Ши цзин») — текст в составе конфуцианского «Пятикнижия», представляющий собой собрание древней китайской поэзии. Полный русский перевод этого памятника см.: Шицзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина; [подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; коммент. А. Штукина]. М., 1987. «Книга ритуалов» (禮記 «Ли цзи») — текст в составе конфуцианского «Пятикнижия», посвященный вопросам этикета. Русский перевод шести (из 49) глав этого памятника см.: Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 99—140. «Книга музыки» (樂經 «Юэ цзин») — утраченный к началу эпохи Хань канонический конфуцианский текст. «Чжоуский [канон] перемен» (周易 «Чжоу и», 易經 «И цзин») — текст в составе конфуцианского «Пятикнижия», служивший целям гадания. Полный русский перевод этого памятника см.: Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен» / Под ред. А. И. Кобзева. М., 1997. «Вёсны и осени» (春秋 «Чунь цю») — текст в составе конфуцианского «Пятикнижия», представляющий собой отредактированную Конфуцием летопись удела Лу. Полный русский перевод этого памятника см.: Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. и примеч. Н. И. Монастырева; исслед. Д. В. Деопика и А. М. Карапетьянца. М., 1999.
- ² Янь-цзы — ближайший ученик Конфуция. Сообщение о нем помещено у Сыма Цяня (*Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII / пер. с кит. Р. В. Вяткина; коммент. Р. В. Вяткина и А. Р. Вяткина; предисл. Р. В. Вяткина. М., 1996. С. 66—67). Цзэн-цзы — ученик Конфуция, известный своей сыновней почтительностью. Сообщение о нем помещено у Сыма Цяня (*Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. VII. С. 78).
- ³ «Суждения [и] беседы» (論語 «Лунь юй») — собрание записей о деяниях и высказываниях Конфуция, составленное его учениками; входит в состав конфуцианского «Четверокнижия» 四書. Полный русский перевод этого памятника см.: Мартынов А. С. Конфуцианство. «Лунь юй». В 2 т. Т. 2 / Пер. А. С. Мартынова. СПб., 2001. С. 209—358. «Великое учение» (大學 «Да сюэ») — текст в составе конфуцианского «Четверокнижия», первоначально составлявший часть «Книги ритуалов». Полный русский перевод этого памятника см.: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; вступит. ст. Л. С. Переломова. М., 2004. С. 71—122.

[Если перечислить существовавшие в эпоху Чжоу] многочисленные княжества, то [одно] называлось Лу 魯, [еще одно] называлось Вэй 衛, [еще одно] называлось Цзинь 晉, [еще одно] называлось Чжэн 鄭, [еще одно] называлось Цао 曹, [еще одно] называлось Цай 蔡, [еще одно] называлось Янь 燕, /л. 116/ [еще одно] называлось У 吳, [еще одно] называлось Ци 齊, [еще одно] называлось Сун 宋, [еще одно] называлось Чэнь 陳, [еще одно] называлось Чу 楚 [и еще одно] называлось Цинь 秦. Щиты [и] клеветы [их войск каждый] день [были в] употреблении, [и] военные действия не прекращались. Поэтому [это время] называется [эпохой] Сражающихся царств. [Что до] Цинь 秦, Чу 楚, Янь 燕, Ци 齊, Хань 韓, Вэй 魏 [и] Чжао 趙, [то] их именуют семью сильнейшими [государствами].

[В] эту эпоху родился внук Конфуция [по имени] Цзы-сы, [который] составил «Следование середине»¹. Ученик [из числа] его последователей [по имени] Мэн Кэ упорядочил в Ци 齊 [и] Лян 梁 [учение о] Пути государя, [но разъясненный им] Путь также не [обрел практического] применения². [Мэн Кэ] составил [трактат] «Мэн-цзы» [в] семи главах, но [в мире] процветали [и] применялись [противные конфуцианству] суждения [о] суеверных заблуждениях, [об искусстве заключения] дипломатических союзов, [о] пользе [и] выгоде³. Наш [же] Путь /л. 12а/ не передавался.

Затем Цинь Ши-хуан подчинил [государство] Чжоу, [история которого насчитывала] два [периода] (1111—771; 770—256 до н. э.), [и] уничтожил шесть царств. [Он] упразднил уделы [и] установил [деление страны] на области [и] уезды, сжег «[Книгу] стихов» [и] «[Книгу] документов» [и] закопал [в землю] конфуцианских ученых. [Прошло] два поколения — и [государство Цинь] погибло.

Гао-цзу, [основатель] Хань, возвысившись [из числа носящих] холщовые одежды [простолюдинов], принял императорскую власть, [и основанное им государство] просуществовало четыреста лет.

¹ Ц з ы - с ы — единственный внук Конфуция, ученик Цзэн-цзы и учитель Мэн-цзы. «С л е д о в а н и е с е р е д и н е» (中庸 «Чжун юн») — текст в составе конфуцианского «Четверокнижия», первоначально составлявший часть «Книги ритуалов». Полный русский перевод этого памятника см.: Конфуцианское «Четверокнижие». С. 123—148.

² М э н К э (孟軻 Мэн-цзы 孟子) — величайший конфуцианский философ, «второй после Конфуция». Неоконфуцианские ученые считали себя прямыми продолжателями его учения, игнорируя лежащую между ними и Мэн-цзы комментаторскую традицию.

³ «М э н - ц з ы» — текст в составе конфуцианского «Четверокнижия», содержащий запись бесед с участием этого философа. Полный русский перевод этого памятника см.: *Понов П. С.* Указ. соч.

Во времена императора Мин-ди Закон Будды [из] Западного края впервые проник [в] Срединное государство. [Буддисты] обманывали мир [и вводили в] заблуждение народ¹.

[После падения Хань] три государства — Шу-Хань, У (吳 222—280) [и] Вэй (魏 220—265) — возвысились [подобно] треножнику, и [в это время] Чжугэ Лян, соблюдая долг, поддерживал [Шу]-Хань, [но] заболел [и] умер во [время] военных [действий]².

[Дом] Цзинь (晉 265—419) обрел [власть над] Поднебесной, /л. 126/ [и это государство] просуществовало сто [с] лишним лет.

Пять варваров-ху³ [учинили] смуту [в] Цветущем [государстве], [которое в результате] подверглось разделению [на] Север [и] Юг, [где сменили друг друга царства] Сун (宋 420—478), Ци (齊 479—501), Лян (梁 502—556) [и] Чэнь (陳 557—589).

[Государство] Суй смогло объединить вместе [страну и] просуществовало тридцать лет.

Гао-цзу, [основатель] Тан, [и его преемник] Тай-цзун⁴ умили смуту дома Суй. [Они] преобразовали [к лучшему] семейные [нравы и] создали [сильное] государство, [которое] просуществовало триста лет.

[Что до] Позднего Лян (後梁 907—922), Позднего Тан (後唐 923—935), Позднего Цзинь (後晉 936—946), Позднего Хань (後漢 947—950) [и] Позднего Чжоу (後周 951—959), [то] их называют Пятью царствами. Утром [они] обретали [власть], [а] вечером лишались [ее], [и в конце концов] великая смута [достигла] предела.

[Когда] Тай-цзу, [основатель] Сун, впервые утвердил [свое] государство, пять планет сошлись [в созвездии] Куй⁵. [На реках] Лянь[ци] /л. 13а/ [и] Ло[шуй], [в] Гуань[чжуне] [и землях] Минь[юэ] [во] множестве явились все мудрецы⁶. Тогда Чжоу Дунь-и, Чэн Хао,

¹ Буддийский взгляд на это событие (естественно, оценивающий его диаметрально противоположным образом) отражен в «Гао сэн чжуань» (高僧傳 «Жизнеописание достойных монахов») (Хуэй-цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань). В 3 т. / Пер. с кит., исслед., коммент. и указ. М. Е. Ермакова. Т. I (Разд. 1: Переводчики). М., 1991. С. 100—101).

² Чжугэ Лян — регент в государстве Шу-Хань, прославившийся как талантливый политик, стратег и военный инженер.

³ Ху 胡 — экзоним, обозначающий народы, обитавшие к северо-западу от Китая. Под «пятью варварами-ху» в китайской исторической традиции подразумеваются сюнну 匈奴, цзе 羯, сяньби 鮮卑, цяны 羌 и ди 氐.

⁴ Иероглиф цзун 宗 в оригинале не дописан (отсутствует откидная влево).

⁵ Пять планет в китайской астрономии — Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. Куй 奎 — пятнадцатое из двадцати восьми зодиакальных созвездий в традиционной китайской астрономии, считающееся покровителем литературы и культуры.

⁶ Ляньци 濂溪 — река в провинции Хунань 湖南. У этой реки жил неоконфуцианский мыслитель Чжоу Дунь-и, который принял прозвание Ляньци. Лошуй

Чэн И, Сыма Гуан, Чжан Цзай, Шао Юн [и] Чжу Си, преемствуя друг другу, (и) возвысились. [Они] сделали своей обязанностью разъяснение [и] истолкование этого Пути ¹, [хотя] сами также не дождались [приглашения на] аудиенцию [и на] службу ².

И [тогда] Чжу-цзы собрал мнения всех [конфуцианских] школ [и] откомментировал «Четверокнижие» [и] «Пятикнижие» ³. Что до заслуг, [которые] он обрел перед [конфуцианской] наукой, [то сколь они] велики!

Однако же силы государства [Сун] не [были] велики, [и оно] просуществовало [всего] триста лет. Кидани, монголы, Ляо [и] Цзинь многократно /л. 136/ совершали нападения [и] вторжения, и это [го-

---

洛水 — один из притоков реки Хуанхэ 黃河. У места впадения Лошуй в Хуанхэ расположен город Лоян 洛陽, откуда были родом выдающиеся ученики Чжоу Дунь-и, братья Чэн Хао и Чэн И. Г у а н ь ч ж у н 關中 — историческая область в пров. Шэньси 陝西, откуда происходил Чжан Цзай. М и н ь ю э 閩越 — древнее название провинции Фуцзянь 福建, где родился Чжу Си. Четыре сокращенных географических названия, перечисленные в этой фразе (Лянь-Ло-Гуань-Минь 瀛洛關閩), используются также для обозначения четырех основных школ неоконфуцианства.

¹ Ч ж о у Д у н ь - и — основоположник неоконфуцианства, занимавшийся разработкой вопросов натурфилософии. Его прямыми учениками были Чэн Хао и Чэн И; кроме того, его работы оказали большое влияние на мировоззрение Чжу Си. Ч э н Х а о — неоконфуцианский философ, один из создателей «учения о принципе» (理學 кит. *ли сюэ*, кор. *и хак*). Он был учеником Чжоу Дунь-и, другом Шао Юна и племянником Чжан Цзая. Ч э н И — младший брат Чэн Хао, также учившийся у Чжоу Дунь-и. В отличие от своего старшего брата, Чэн И отличался резкостью и ригоризмом в вопросах морали. С ы м а Г у а н — представитель раннего неоконфуцианства, известный своими историческими и лексикографическими работами. Ч ж а н Ц з а й — неоконфуцианский философ, подробно разрабатывавший вопросы толкования «Книги перемен». Ш а о Ю н — основоположник неоконфуцианской нумерологии. Несмотря на выдающуюся ученость и поэтический талант, посвятил себя философии и был единственным из перечисленных здесь основателей неоконфуцианства, кто не состоял на государственной службе. Ч ж у С и — крупнейший философ и текстолог эпохи Сун, систематизатор неоконфуцианского учения, придавший ему завершённую форму. Государственной идеологией Кореи неоконфуцианство стало именно в трактовке Чжу Си.

² Корейский автор здесь несколько драматизирует ситуацию: в действительности почти все перечисленные деятели (кроме убежденного анахорета Шао Юна) служили и занимали достаточно заметные посты, а некоторые (Сыма Гуан) даже имели доступ ко двору.

³ Ч ж у - ц з ы (朱子 Учитель Чжу) — почтительное именование Чжу Си. «Ч е т - в е р о к н и ж и е» (四書 «Сы шу») — раздел конфуцианского канона, включающий в себя «Суждения [и] беседы», «Великое учение», «Следование середине», «Мэн-цзы». «П я т и к н и ж и е» (五經 «У цзин») — раздел конфуцианского канона, включающий в себя «Книгу стихов», «Книгу ритуалов», «Чжоуский [канон] перемен», «Вёсны [и] осени», «Книгу документов».

сударство] тогда [оказалось на] грани гибели¹. Вэнь Тянь-сян, [проявив] наивысшую преданность, воздал [дому] Сун [за его благодеяния], [но в] конце погиб [в] темнице [города] Янь[цзин]².

Варварское-ху [государство] Юань уничтожило [дом] Сун [и], полностью объединив [под своей властью] весь мир, непрерывно просуществовало сто лет. [Среди] успехов варваров-и [и] варваров-ди дотолле не было подобного этому³.

Небо возненавидело порочное могущество [Юань], [и тогда] великий [дом] Мин 明 сподобился [милости] Неба⁴. [Его] совершенномудрые [правители будут] преемствовать [друг другу], [и] божественные [государи будут] наследовать [власть] на [протяжении] тысяч [и] десятков тысяч лет.

О! Путь Трех устоев [и] Пяти постоянств пресекается [и] начинается вместе с Небом [и] Землей⁵. Прежде [окончания] трех эпох [Ся, Инь и Чжоу] совершенномудрые императоры [и] просвещенные государи, /л. 14а/ мудрые министры [и] добрые советники все вместе разъясняли [и] толковали [этот Путь], поэтому дней, [когда правление было в] порядке, всегда [было] много, [а] дней, [когда правление было в] беспорядке, всегда [было] мало. После [окончания этих] трех эпох посредственные правители [и] невежественные властители, мятежные подданные [и] непокорные сыновья все вместе раз-

¹ К и д а н и 契丹 — протомонгольские племена, в древности обитавшие на территории современного северо-восточного Китая (Маньчжурия, Внутренняя Монголия) и частично Монголии. Л я о — киданьская империя, занимавшая территорию Монголии, северо-восточного Китая и Приморья. Обращает на себя внимание, что корейский автор упоминает киданей отдельно от основанного ими государства. Ц з и н ь — империя чжурчжэней, разгромивших киданьское государство Ляо и подчинивших себе часть его территории, а затем (в 1125–1141 гг.) захвативших северную часть Китая.

² В э н ь Т я н ь - с я н — сунский чиновник, организовавший на подведомственной ему территории вооруженное сопротивление монголам. Будучи захвачен ими в плен, отказался подчиниться и в итоге был казнен. Я н ь ц з и н 燕京 — одно из домонгольских названий Пекина, с эпохи Юань являвшегося столицей Китая.

³ И 夷 — экзоним для народов, обитавших к востоку от Китая (включая корейцев). Д и 狄 — экзоним для народов, обитавших к северу от Китая.

⁴ Перед словами «великий [дом] Мин» в оригинале сделан почтительный отступ (текст начинается с новой строки). Империя Мин была образована в 1368 г. и продолжала существовать во время написания данного памятника.

⁵ Т р и у с т о я (三綱 кит. *сань ган*, кор. *сам кан*) — одно из базовых положений конфуцианства, постулирующее власть государя над подданным, отца над сыном и мужа над женой. П я т ь п о с т о я н с т в (五常 кит. *у чан*, кор. *о сан*) — согласно конфуцианской доктрине, пять главных положительных качеств благородного мужа: гуманность (仁 кит. *жэнь*, кор. *ин*), справедливость (義 кит. *и*, кор. *ый*), благонравие (禮 кит. *ли*, кор. *и*), мудрость (智 кит. *чжи*, кор. *чи*) и искренность (信 кит. *синь*, кор. *син*).

рушали [и] ниспровергали [этот Путь], поэтому дней, [когда правление было в] беспорядке, всегда [было] много, [а] дней, [когда правление было в] порядке, всегда [было] мало.

То, из-за чего мир [бывает в] порядке [или в] беспорядке, [в] покое [или в] опасности, [а] государство процветает [или] разрушается, существует [или] погибает, — [это] все [имеет] причину в [том], насколько ясны [или] неясны [основные] принципы человеческих [отношений], и только. Возможно [ли этого] не понимать?

Yu. Boltach.
The History of Pre-Manchu China through
the Eyes of Korean Neo-Confucianists
(on the material of the «Primer for Children»)

The article contains a partial translation and study of the woodcut C-64 «Primer for Children» (童蒙先習 «Dongmong seonseup») from the Korean collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg). The xylograph was printed in a year under the cyclic signs *gyechuk* 癸丑 (1793 or 1853) and entered the collection of the IOM RAS as part of the collection of acad. M. F. Brosset (1802—1880).

In traditional Korea, the «Primer for Children» was studied in Confucian schools immediately after the «Thousand Character Classic». This textbook is written in literary Chinese and marked with Korean auxiliary verbs and affixes written in Chinese characters. It contains an overview of the five basic relationships between people, a discourse on the topic of filial piety, and essays on the history of China and Korea.

The first partial Russian translation of this textbook embraces the essay on the history of China from ancient times to the middle of the 16th century. The translation is accompanied with a commentary and a brief preface. It is concluded that the principles for the selection and interpretation of the historical facts in this textbook reflect the ideological position of its author (an orthodox Korean neo-Confucian scholar of the early Joseon era), who aimed at indoctrinating students with the idea that the teaching of Confucius in the interpretation of Zhu Xi is the only correct ideology, that the implementation of this teaching guaranties the proper functioning of society, and also that the «exemplary» history of China occupies a central place in the world historical process.